

Г. Г. Ишимбаева
Башкирский государственный университет

ИНТЕНЦИИ МЮНХЕНСКОГО ТЕКСТА Г. РОЗЕНДОРФЕРА

В статье, методологической основой которой является концепция петербургского текста русской литературы В. Н. Топорова, исследуется мюнхенский текст романов Герберта Розендорфера *Большое соло для Антона*, *Письма в Древний Китай*, *Великие перемены*. Актуальность и новизна исследования обусловлены тем, что воссозданный писателем язык Мюнхена рассматривается как семиотический текст. Доказывается, что его знаки как элементы художественной структуры несут закодированную информацию о современном векторе развития человечества. Авторская концепция деградации мира и краха цивилизации раскрывается в мюнхенском тексте с помощью символических знаков и обуславливает особую жанровую природу романов. Расшифровка смыслов мюнхенского текста происходит в рамках эсхатологического романа, антиутопии и ретроутопии.

Ключевые слова: Розендорфер; *Большое соло для Антона*; *Письма в Древний Китай*; *Великие перемены*; мюнхенский текст; интенция

1. Введение

Особый способ воссоздания художественного топоса, город как текст активно изучается в XX в. Городской текст, открытая, концептуально и эстетически целостная система, является частью геурбанистики и предметом осмысления филологии, исследующей его отражения в мировой литературе. Одни ученые (ЩЕГЛОВ 1958; LYNCH 1960; JENCKS 1977) исследуют символику архитектуры и теоретические проблемы урбанизма, другие — семиотику пространства (МОРРИС 1983; ФЕДОРОВ 1988; ЛОТМАН 1992; ЛОТМАН 1996;), третьи (АНЦИФЕРОВ 1922а; АНЦИФЕРОВ 1922б; АНЦИФЕРОВ 1923; ТОПОРОВ 1995а; ТОПОРОВ 1995б; ТОПОРОВ 2003; АБАШЕВ 2000; WOLFREYS 1998; MAGENAU 1999; SCHÜTZ 1999; BIENERT 2004) — локальные и национальные городские тексты. В любом случае город как физическая и метафизическая реальность, как мифопоэтическое пространство и как культурный феномен рассматривается в качестве особого явления, которое нуждается в дешифровке.

Предметом настоящего исследования является мюнхенский текст Герберта Розендорфера, представленный в романе *Большое*

соло для Антона (1976) и диологии о Гао-дае — *Письма в Древний Китай* (1985) и *Великие перемены* (1997). Актуальность и новизна работы обусловлены тем, что воссозданный писателем язык Мюнхена анализируется как семиотический текст, который раскрывается через систему знаков и определяет жанровую специфику произведений.

2. Характеристика материала и методов исследования

Методологическую основу работы составляет концепция В. Н. Топорова, разработавшего и введшего в научный оборот в 1972 г. само понятие «городской текст» (ТОПОРОВ 1995а), основательно изучившего петербургский текст русской литературы и выделившего его многочисленные дискурсивные характеристики — ландшафтные, материально-культурные, климатически-метеорологические и т. д. (ТОПОРОВ 2003).

3. Результаты исследования и их обсуждение

В основе сюжета романа *Большое соло для Антона* лежит фантастическое допущение: главный герой Антон Л. однажды утром обнаруживает, что в Мюнхене и в его окрестностях исчезли абсолютно все люди. В рамках своеобразного эксперимента над единственным обитателем мегаполиса Розендорфер прежде всего скрупулезно фиксирует то, что его подопытный в течение одного года с небольшим наблюдает в обезлюдившем городе.

Представляется очень важным, что первый взгляд на мир без людей Антон Л. бросает через окна веранды, «закрашенные и немывые» (РОЗЕНДОРФЕР 1996: 8). На протяжении всего повествования образ «немывости» смыкается с понятием краха цивилизации, приобретая символическое значение и наполняясь эсхатологическими смыслами. Писатель акцентирует в портрете города глазами героя физическое запустение, грязь, мусор, забившиеся водостоки фонтанов, пробивающуюся сквозь камни мостовой и паркет траву. Мюнхен захвачен мышами, лисами и утками, одичавшими собаками, свиньями и коровами, ставшими истинными полисными хозяевами.

Локации между тем обозначены в романе очень точно, почти как в путеводителе по достопримечательностям, — с названиями улиц, гостиниц и ночных баров, с выделением Резиденции курфюрста, павильона-замочка, дворцового сада, галереи современного искусства, Национальной библиотеки и т. д., с короткими характеристиками всевозможных магазинов (восковых

товаров, мужской одежды, головных уборов, охотничьего, винного) и лавок (придворного свечника, книжной) и т.д. Все эти маркеры городской цивилизации, однако, потеряли свою идентичность, а единственный житель Мюнхена ведет себя как варвар, громя и уничтожая все, что попадает на его пути.

Подобное поведение Антона Л., быстро теряющего связи с цивилизацией и становящегося «естественным человеком», вписывается в ту войну, которая развернулась между городом и природой. Розендорфер использует военную терминологию, изображая эту битву гигантов: «природа пробилла в городе широкие просеки и бреши...» (Ibid.: 91), нанесла ему «направленный удар» (Ibid.: 201). Природа в романе обретает качества антропоморфного существа: «столетиями мучавшаяся под асфальтом», она «за этот год лишь несмело решилась протянуть свою руку в сторону города, построенного из камня» (Ibid.: 201). Ее солдаты — сорняки «выше человеческого роста» и «дремучие заросли» (Ibid.: 133), вышедшая из берегов река («коричневое, иногда зеленое, бурлящее, кипящее и рвущееся месиво, которое время от времени высоко взлетало, наталкиваясь на выступающие части фасадов домов» [Ibid.: 172]) и всевозможные катаклизмы (наводнения и снежные бураны, взрывы и пожары, громы и молнии). Взбунтовавшаяся природа со своим войском одерживает одну победу за другой: город рушится, Антон Л. видит «фасады сгоревших домов», «обрушившиеся здания», «обвалившиеся стены» (Ibid.: 133).

Мюнхенский текст романа включает описания жилищ многих людей, в которые заходит, взламывая двери, Антон Л., и присутственных мест, в которых он трудился до грандиозного происшествия, — будь то издательство, бюро путешествий или финансовое управление. И всякий раз главные смыслы этих визуальных картинок заключаются в том, чтобы показать, как в природе, свободной от воли Бога, происходит деградация человека.

Все субстраты городского текста равнозначны и обуславливают специфику жанровой природы этого робинзонадовского эсхатологического романа, в котором поднимаются вопросы диалогических отношений Я с миром и Богом.

В сатирической философской диалогии о путешествиях китайского мандарина Гао-дая из X века в XX-й — *Письма в Древний Китай* и *Великие перемены* — Розендорфер представляет но-

вые версии мюнхенского текста, в котором, в отличие от *Большого соло для Антона*, где все составляющие городского текста равноправны и нацелены на раскрытие авторской идеи грядущего окончания истории, выделяются периферийные и ядерные компоненты.

Мюнхенский, или минхэньский текст (герой называет Мюнхен Минхэнь) воссоздан через восприятие Гао-дая, который попал в неведомый мир с его культурой и цивилизацией и в иное время (первый роман дилогии о путешествии из любознательности) и в уже знакомый ему мир будущего (второй роман дилогии о путешествии по необходимости). Минхэньский текст дилогии, этого травелога в квадрате (о перемещении во времени и в пространстве), связан не только и не столько с конкретным городом, сколько с кодированным городом-символом той цивилизации, которую он представляет. Все элементы городского текста дилогии о Гао-дае (объектный состав, природные и культурные явления, душевные состояния) раскрывают его сверхсемантику благодаря особой структуре романов и их лейтмотивам.

Диагностически важными с самого начала первого романа становятся констатации, сделанные чужим, иным, посторонним, оказавшимся в другом пространственно-временном континууме. Поэтому в *Письмах в Древний Китай* сущностными для городского текста оказываются те впечатления адресанта, в которых последовательно раскрывается его неприятие открывшегося перед ним мира. В минхэньском тексте первого романа дилогии преобладают образы мира как ледяной пустыни и бездонной пропасти, где все сделано без любви, где шумно и грязно и где грубые люди-великаны живут только сегодняшним днем и не помнят имен предков.

«Недоброе будущее, не знающее ни тишины, ни величия» (РОЗЕНДОРФЕР 2006а: 8), «неуютный мир» (Ibid.: 29), «серо-черный ад» (Ibid.: 54) — эти первые впечатления детализируются по мере знакомства героя с городом и раскрываются в образной системе мюнхенского текста. Так, например, во время поездки в центр Мюнхена герой отмечает:

«Точно скалы и ущелья, окружают человека со всех сторон <...> гигантские дома со сверкающими окнами из стекла, все улицы заполняет бурлящий поток стремительных повозок <...>. Свист, грохот и завывания невероятной силы парализуют все чувства,

лишая человека возможности воспринимать что-либо. Мне показалось, что я угодил в грозу, в бушующий ураган из железа и камня. Это был настоящий хаос» (Ibid.: 54).

Последнее становится лейтмотивом городского текста романа *Письма в Древний Китай*, в котором наиболее частотным оказывается образ преисподней. В «нечеловеческом городе» (Ibid.: 56) герою кажется, что он «попал в ад», что перед ним «врата ада», что «в этом аду» у него есть проводник, что он хочет выбраться «из этого ада» (Ibid.: 60) и т. д.

И это при том, что пробывший почти год в Мюнхене середины 1980-х гг., Гао-дай начинает отдавать должное отдельным достижениям будущего «странного мира» (Ibid.: 123) и в его мюнхенском тексте появляются пассажи с положительными коннотациями — как, например, описание шампанского Moët и сигар Davidoff, гостиничного бизнеса, развлекательных программ. Но все они лишены сугубо мюнхенской окраски, оставаясь компонентами городского текста вообще.

Примечательно, что, говоря об «удобствах мира большеносых» (Ibid.: 303), Гао-дай заключает не панегириком в их честь: «... меня не устраивает цена, которую они платят за свои удобства» (Ibid.: 303). Это, казалось бы, частное наблюдение, есть продолжение размышлений героя о прогрессе, его формах и последствиях. Другими словами, городской текст романа ожидаемо смещается с субстратных характеристик в сторону философских обобщений, которые так или иначе обуславливают жанровые приемы, используемые Розендорфером.

И приемы эти имеют отношение к антиутопии и ретроутопии. Рассказывая Гао-даю о современном противостоянии политических сил (середины 1980-х гг.), его друг-историк Ши-ми почти цитирует *1984* Дж. Оруэлла. Аллюзивное повествование от 3-го лица гармонируется нарративными впечатлениями: Гао-дай наблюдает на улицах «массу серых <...> людей с безрадостным взглядом» (Ibid.: 152), ужасается механизированному аду огромного машиностроительного завода, жалеет рабочих, этих «рабов кузницы» (Ibid.: 238), ведущих безотрадную жизнь, и заключает: «Жизнь большеносых и весь их мир неумолимо движутся к своему концу» (Ibid.: 246).

Метафора Гао-дая о «человеке, ступающем по бревну, один конец которого выдается над пропастью» (Ibid.: 286–287), имеет

качества семиотического знака о нежелательных последствиях развития цивилизации. С этим связана и пунктирно обозначенная тема путешествия во времени внутри этого путешествия. Гао-дай поддался на уговоры своего друга и дал ему компас времени, чтобы тот смог отправиться в недалекое будущее — не более чем на 100 лет. Розендорфер не воспроизводит обстоятельств этого путешествия, акцентируя внимание на бессловесных эмоциях, переживаемых господином Ши-ми и расшифровываемых Гао-даем. Первый качает головой, второй понимает: этот жест выражает беспомощность и «то обстоятельство, что все оказалось даже хуже, чем можно было ожидать» (Ibid.: 316). Неудивительно, что Ши-ми захотел вместе с китайским мандарином отправиться в его прошлое.

Идея ретротопии прежде раскрывалась только в письмах Гао-дая, не принимающего мир XX века:

«Да, у нас есть будущее, пусть даже напоминающее бездонную пропасть. Господин Ши-ми опасается, что у его мира не окажется даже такого будущего. Он не рассчитывает и на сотню лет. Временами, признавался он, ему кажется, что его мир не продержится и двадцати» (Ibid.: 118).

К финалу романа невыносимую тягу к прошлому испытывает просвещенный немецкий друг Гао-дая.

В романе *Великие перемены* воссоздан мюнхенский текст образца 2000 г., когда Гао-дай по необходимости вторично отправился из своего времени в далекое будущее. Розендорфер, в этом романе по-прежнему исследующий отрицательные последствия развития цивилизации, не использует, однако, апробированную в *Письмах в Древний Китай* форму мюнхенского текста, автором которого является чужак. Он синтезирует разные городские тексты, созданные Гао-даем в ходе второго путешествия.

Изначальная мысль этого романа продолжает магистральную идею *Писем в Древний Китай*: человечество стоит у порога конца света, и городской текст является тому подтверждением. Однако, если в первом романе диалогии речь шла только об одном городе Мюнхене, куда попал Гао-дай в 1985 г., то во втором — о многих городах, нескольких странах и даже континентах. Второй травелог выстроен как серия авантюрных эпизодов, зача-

стью необязательных,¹ с бесконечными переездами, чье назначение подтвердить худшие опасения героя о крахе цивилизации.

Именно поэтому городской текст *Великих перемен*, рукописи, которой прилежно занимается путешественник во времени и пространстве, включает множество локальных городских текстов. Гао-дай сначала попал в Кельн, а затем последовательно побывал во множестве других городов ФРГ (Мюнхене, Лейпциге, Берлине, Нюрнберге, Байройте и в маленьких неназванных немецких городках), США (Нью-Йорке и Вашингтоне), Италии (Больцано, Флоренции, Риме). Интересующий нас мюнхенский текст дается в череде других городских текстов, высвечивая общее в частном и частное в общем.

Мюнхенский текст воссоздан в трех эпизодах романа, в каждом из которых представлены периферийные и ядерные характеристики.

В первом эпизоде, где Гао-дай добирается из Кельна до Мюнхена в надежде найти своего друга-историка, в качестве периферийных выступают нескончаемый дождь и постоянный двор, где он поселился, в качестве ядерных — увиденная им новостройка на месте снесенных старых домов, что позволяет Гаодаю сделать философское обобщение: «мир большеносых — это архитектурный улей» (РОЗЕНДОРФЕР 2006б: 45).

Во втором эпизоде, в котором речь идет о восприятии Мюнхена после возвращения героя из Нью-Йорка, периферийным компонентом городского текста является образ гостиницы, ядерным — описание мюнхенского стадиона и посещения футбольного матча, за чем последовала очередная сентенция Гаодая: «... возможно, именно шпо и является причиной широко распространившейся деградации большеносых» (Ibid.: 192).

На периферии третьего эпизода мюнхенского текста, посвященного приезду Гаодая из Лейпцига в Мюнхен к смертельно больному Ши-ми, вновь находится гостиница. Ядро мюнхенского текста этого эпизода составляют описания госпиталя, системы здравоохранения, церемонии католического причастия и похорон. Искренне опечаленный кончиной своего друга, герой заме-

---

¹ Например, один из эпизодов романа в духе нескромных новелл Боккаччо прерывается таким «Примечанием издателя»: «Здесь недостает одной или нескольких страниц рукописи» (РОЗЕНДОРФЕР 2006б: 153).

чает: «...большеносые больны изнутри, душою. Что неудивительно для того безумного мира, в котором они живут» (Ibid.: 197).

Все ядерные компоненты мюнхенского текста лейтмотивно присутствуют в других городских текстах романа, прежде всего в нью-йоркском, самом большом в *Великих переменах*. Наблюдения, сделанные Гао-даем в первой части дилогии и отлитые в его минхеньский текст, получили во второй части дальнейшее развитие, благодаря использованию техники мозаики городских текстов. Общий итог, к которому приходит китайский мандарин, — большеносые «полностью спятили» (Ibid.: 14), люди «превращаются в пожирающих друг друга паразитов» (Ibid.: 21), «мертвые безжизненные номера» обретают самостоятельность и замещают людей (Ibid.: 37), «мир <...> сморщился» (Ibid.: 98) и т. д. Герой убежден в том, что Апокалипсис уже почти наступил.

Эта мысль, как и в первом травелоге дилогии, подтверждается путешествием на 70 лет вперед, предпринятым новым знакомым Гао-дая, программистом Я-коп. Автор рукописи замечает:

«Он был расстроен не менее господина Ши-ми, тоже отважившегося на подобное путешествие. Но, сказал господин Я-коп-цзы, все же мир там еще существует, и шагание вперед (П'ло г'лее-си) достигло такой степени, что описать это не представляется возможным. Положение вещей в те грядущие годы относится к сегодняшнему положению вещей так, как сегодняшнее положение вещей относится к положению вещей в нашем <...> родном времени» (Ibid.: 233).

Так, темы финалов обоих романов дилогии смыкаются, образуя единое семиотическое поле.

4. Заключение

В рассмотренных романах представлены три модификации мюнхенского текста, различающиеся содержательными, но не функциональными характеристиками.

В *Большом соло для Антона*, в котором воссоздано воспринимающее сознание мюнхенца, хорошо знавшего свой город до фантастического происшествия, фигурирует классическая форма городского текста. Канон предполагает конкретизированные описания точно обозначенных локаций — они составляют существо мюнхенского текста романа *Большое соло для Антона* и связаны в первую очередь с жанровой кристаллизацией, обусловленной эсхатологической идеей конца истории.

В диалогии о китайском мандарине писатель модернизирует каноническую форму городского текста, что связано с принципиально другим, по сравнению с Антоном Л., типом героя-повествователя и что детерминирует появление разных субстратов городского текста, среди которых явно выделяются периферийные и ядерные. Если первые имеют нейтральное смысловое содержание, то вторые, с отрицательными коннотациями, раскрывают авторские интенции и оказываются связанными с жанровой природой романов.

Чужой, пришелец из иного пространственно-временного мира, Гао-дай в *Письмах в Древний Китай* создает мюнхенский (минхэньский) текст, лишенный всякой градостроительной составляющей. Для него неведомый город становится неким символом цивилизации будущего, которую он не приемлет и которая, по его мнению, стремительно и неминуемо движется к своему финалу. Эта мысль декодируется на жанровом уровне, связанном с антиутопией и ретротопией.

Роман *Великие перемены* также антиутопичен и ретротопичен, и его жанровая специфика также раскрывается через посредство городского текста. Однако здесь использована коллаборация множества городских текстов мира, среди которых мюнхенский задает определенный набор лейтмотивов. Его ядерные компоненты связаны с раскрытием идеи бесконечной и бессмысленной перестройки и потери духовности, место которой занимают всевозможные эрзацы.

Таким образом, мюнхенский текст Розендорфера откровенно семиотичен. Его знаки как элементы художественной структуры несут закодированную информацию о современном векторе развития человечества. Авторская концепция деградации мира и краха цивилизации раскрывается в мюнхенском тексте с помощью символических знаков и обуславливает особую жанровую природу романов. Расшифровка смыслов мюнхенского текста происходит в рамках эсхатологического романа, антиутопии и ретротопии.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: изд-во Пермского ун-та, 2000. [Abashev, Vladimir V. (2000) *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* (Perm as Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century). Perm': Perm' University. (In Russian)].

- Анциферов Н. П.* Быль и миф Петербурга. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1922а. [Antsiferov, Nikolay P. (1922a) *Byl' i mif Peterburga* (The True Story and Myth of St. Petersburg). Saint Petersburg: Brockhaus-Efron. (In Russian)].
- Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1922б. [Antsiferov, Nikolay P. (1922b) *Dusha Peterburga* (The Soul of Petersburg). Saint Petersburg: Brockhaus-Efron. (In Russian)].
- Анциферов Н. П.* Петербург Достоевского. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1923. [Antsiferov, Nikolay P. (1923) *Peterburg Dostoevskogo* (Petersburg of Dostoevsky). Saint Petersburg: Brockhaus-Efron. (In Russian)].
- Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 2. Таллинн: Александра, 1992. С. 9—21. [Lotman, Yuriy M. (1992) *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* (The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of the City's Semiotics). In Lotman, Yuriy M. *Izbrannyye stat'yi* (Selected Articles). In 3 vols. Vol. 2. Tallinn: Aleksandra, 9—21. (In Russian)].
- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. [Lotman, Yuriy M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semi-osfera — istoriya* (Inside Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Моррис Ч. У.* Основания теории знаков // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37—89. [Morris, Charles W. (1983) *Osnovaniya teorii znakov* (Foundations of the Theory of Signs). In Stepanov, Yuriy S. (ed.) *Semiotika* (Semiotics). Moscow: Raduga, 37—89. (In Russian)].
- Розендорфер Г.* Большое соло для Антона // Розендорфер Г. Большое соло для Антона. Латунное сердечко, или У правды короткие ноги / пер. О. Дрожжина. К.: Лабиринт, 1996. С. 5—210. [Rosendorfer, Herbert. (1996) *Bol'shoeye solo dlya Antona* (Grand Solo for Anton). In Rosendorfer, Herbert. *Bol'shoeye solo dlya Antona. Latunnoye serdechko, ili U pravdy korotkiye nogi* (Grand Solo for Anton. Brass Heart, or The Truth Has Short Legs). Kiev: Labirint, 1996, 5—210. (In Russian)].
- Розендорфер Г.* Письма в Древний Китай / пер. Е. Колесова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2006а. [Rosendorfer, Herbert. (2006a) *Pis'ma v Drevniy Kitay* (Letters Back to Ancient China). Moscow: AST; Tranzitkniga. (In Russian)].
- Розендорфер Г.* Великие перемены / пер. В. Позняк. М.: АСТ; Хранитель, 2006б. [Rosendorfer, Herbert. (2006b) *Velikiye peremeny* (Great Changes). Moscow: AST; Khranitel'. (In Russian)].
- Топоров В. Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаически-

- ми схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс — Культура, 1995а. С. 193—258. [Toporov, Vladimir N. (1995a) O strukture romana Dostoevskogo v svyazi s arhaicheskimi skhemami mifologicheskogo myshleniya («Prestupleniye i nakazaniye») (About the Structure of Dostoevsky's Novel in Connection with Archaic Schemes of Mythological Thinking (“Crime and Punishment”)). In Toporov, Vladimir N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoye* (Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic: Selected Works). Moscow: Progress — Kul'tura, 193—258. (In Russian)].
- Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс — Культура, 1995б. С. 259—367. [Toporov, Vladimir N. (1995b) Peterburg i «Peterburgskiy tekst russkoy literatury» (Vvedenie v temu) (Petersburg and the “Petersburg Text of Russian literature” (Introduction to the Topic). In Toporov, Vladimir N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoye* (Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic: Selected Works). Moscow: Progress — Kul'tura, 259—367. (In Russian)].
- Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство — СПб», 2003. [Toporov, Vladimir N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* (Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works). Saint Petersburg: Iskusstvo — SPB». (In Russian)].
- Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. [Fedorov, Fyodor P. (1988) *Romanticheskii khudozhestvennyy mir: prostranstvo i vremya* (Romantic Art World: Space and Time). Riga: Zinatne. (In Russian)].
- Щеглов И. В. Формуляр нового урбанизма [Электронный ресурс] // Ситуационистский Интернационал. 1958. № 1. URL: http://debord.ru/Periodika/Sityacionistskii_Internacional.html (дата обращения: 07.01.2022). [Shcheglov, Ivan V. (1958) Formulyar novogo urbanizma (Formula of New Urbanism). *Internationale Situationniste*, 1. Retrieved from http://debord.ru/Periodika/Sityacionistskii_Internacional.html. (In Russian)].
- Bienert, Michael. (2004) *Berlin. Wege durch den Text der Stadt*. Berlin: Klett-Cotta Verlag.
- Jencks, Charles. (1977) *The language of post-modern architecture*. New York: Rizzoli.

- Lynch, Kevin. (1960) *The Image of the City*. Cambridge; Massachusetts; London: M. I. T. Press.
- Magenau, Jörg. (1999) Berlin-Prosa. In *Text der Stadt — Reden von Berlin: Literatur und Metropole seit 1989*. Berlin: Weidler Buchverlag, 59—70.
- Schütz, Erhard. (1999) Text der Stadt — Reden von Berlin. In *Text der Stadt — Reden von Berlin: Literatur und Metropole seit 1989*. Berlin: Weidler Buchverlag, 7—31.
- Wolfreys, Julian. (1998) *Writing London: The trace of the urban text from Blake to Dickens*. London: Palgrave Macmillan.

Galina G. Ishimbayeva
Bashkir State University

Intentions of the Munich Text by H. Rosendorfer

The article, whose methodological basis is the concept of the St. Petersburg text of Russian literature by V. N. Toporov, examines the Munich text of the novels by H. Rosendorfer *Grand Solo for Anton*, *Letters Back to Ancient China*, *Great Changes*. The relevance and novelty of the research is due to the fact that the language of Munich, recreated by the writer, is viewed as a semiotic text. It is proved that its signs as elements of an artistic structure carry coded information about the modern vector of human development, about the degradation of the world, about the collapse of civilization, and determine the special genre nature of the novels. The interpretation of meanings of the Munich text takes place within the framework of the eschatological novel, dystopia and retrotopia.

Keywords: Rosendorfer; *Grand Solo for Anton*; *Letters Back to Ancient China*; *Great Changes*; Munich text; intention

Для цитирования:

Ишимбаева Г. Г. Интенции мюнхенского текста Г. Розендорфера // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 461—472.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-461-472.

To cite this Article:

Ishimbayeva, Galina G. (2022) Intentsii myunkhenskogo teksta G. Rozendorfera (Intentions of the Munich Text by H. Rosendorfer). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 461—472. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-461-472.

Статья поступила в редакцию 15.01.2022; принята к публикации 14.02.2022
The article was submitted 15.01.2022; accepted for publication 14.02.2022